

Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А., Интент-анализ постсобытийного дискурса в интернете

Pavlova N.D., Grebenshikova T.A., Intent-analysis of the post-eventual discourse on the Internet

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

Статья посвящена анализу постсобытийного дискурса в российской зоне интернета – дискурса, содержание которого является откликом как на само событие (информационный повод), так и на сообщение о нем (авторскую позицию или изложение факта на том или ином ресурсе). Эмпирическую базу исследования составили информационные сообщения 2013-2015 гг. и последующие комментарии на информационных порталах радиостанции «Эхо Москвы», газет «Ведомости» и «Газета.RU», информационно-развлекательном портале d3.ru. Выбор данных ресурсов определялся наличием комментариев поступающих сообщений, касающихся злободневных тем мировой и внутренней политики, и модерацией, обеспечивающей отсутствие обценной лексики. В качестве основного использовался метод интент-анализа – экспертный метод оценки психологического содержания речи, позволяющий реконструировать актуальные интенции субъектов общения. Ставится задача провести сопоставление исходного новостного и последующего постсобытийного дискурсов, оценив качественный сдвиг интенций, относящихся к основным референциальным объектам. Гипотеза исследования предполагала, что в интернет-среде на больших коммуникативных площадках проявляется эффект интенциональной асимметрии в сторону негативного полюса. Полученные результаты подтвердили это предположение. Показана трансформация постсобытийного дискурса от нейтрально-информационных и аналитических интенций в сторону интенций негативной оценки и дискредитации, в том числе за счет таких негативных интенций, как выразить недовольство, возмущение, злорадство, а также дистанцирования

от собеседника, проявляющегося в диалогических интенциях возразить, выразить сарказм, унизить. Интенции нейтрального характера: выразить позицию, объяснить, предположить и др., как и позитивные интенции принятия и консолидации (защитить, подчеркнуть позитивные качества, оправдать и пр.) проявляются в постсобытийном дискурсе в незначительной степени. Вместе с тем наблюдается трансформация основных референциальных объектов. Исходные объекты новостного дискурса обобщаются, размываются, или, напротив, конкретизируются, заменяются на другие объекты по типу трансдуктивного переноса; число референциальных объектов увеличивается.

Ключевые слова: интернет-дискурс, постсобытийный дискурс, интернет-коммуникация, речевые интенции, интент-анализ

Новостная интернет-среда, соответствующая принципу получения информации где угодно и когда угодно [Засурский, 2011], открытая для интерактивных комментариев читателей, позволяет говорить о функционировании постсобытийного дискурса – дискурса, содержание которого является откликом как на само событие (информационный повод), так и на конкретное сообщение: авторскую позицию или изложение факта на том или ином ресурсе [Василенко, 2015]. Хотя коммуникация в интернете активно исследуется, постсобытийный дискурс не привлекает пока большого внимания. Между тем, конкретизация представлений об особенностях дискурса в различных условиях коммуникации и социальных контекстах – одна из актуальных задач дискурсивных исследований. Виды дискурсов, которые получают распространение, отражают особенности разных сфер жизни, социальные процессы, происходящие в обществе.

Еще недавно существование интернета как среды без границ обещало новый виток развития гуманизма «в цифровом облаке» с приоритетом личной

ответственности, взаимоуважения, свободой реализации идентичности [Heng, Moor, 2003]. В реальности, расширение формата социальных сетей воспроизводит в интернете отношения между социальными группами, обнаруживая межгрупповые и межличностные противоречия [Мартьянов, Мартьянова, 2012]. Поскольку интернет-среда является свободной зоной для выражения оценок, в том числе для проявления вербальной агрессии, в интернете высказываются более резкие моральные суждения, чем в тематически близком общении вне него [Rier, 2007].

Накапливаются факты, свидетельствующие о влиянии на интернет-коммуникацию контекстных норм – особенно, если данные нормы ярко демонстрируются в ходе общения его участниками [Spears et al., 2011]. Так, если в комментариях уже есть рациональные доводы, в дальнейшем оставляются более обоснованные замечания [Sukumaran et al., 2011]. Форумы, где принято следовать нормам кооперативного вежливого общения, обнаруживают рост знаний, сближение противоположных взглядов, уменьшение разрыва между установками и поведением [Capella et al., 2002; Fishkin, Luskin, 2005]. Напротив, проявление невежливости способствует дальнейшему нарастанию агрессивности [Cialdini et al., 1990].

Как развивается постсобытийный интернет-дискурс, каковы закономерности изменения его интенционального пространства, основных референциальных объектов? Рассмотрение этих вопросов позволило сформулировать *цель* проведенного эмпирического исследования как описание интенциональной структуры постсобытийного дискурса и определение выраженности основных групп интенций в ее составе.

Ставились задача провести сопоставление новостного и последующего постсобытийного дискурсов, оценив качественный сдвиг интенций, относящихся к основным референциальным объектам.

Гипотеза исследования предполагала, что в интернет-среде на больших коммуникативных площадках проявляется эффект интенциональной асимметрии в сторону негативного полюса.

Методы

Материал исследования

Исследование осуществлялось на материале диалогов пользователей интернета, возникающих в зоне комментариев новостных сайтов – информационных и информационно-развлекательных. Анализировались:

1. информационные сообщения и репортажи 2013-2015 гг. ($n = 15$), касающиеся злободневных тем мировой и внутренней политики на информационных порталах радиостанции «Эхо Москвы», газет «Ведомости» и «Газета.RU», информационно-развлекательном портале d3.ru.;
2. комментарии, относящиеся к данным сообщениям ($n = 321$), продолжительность обсуждения – от 5 до 55 комментариев ($Med = 18$).

Выбор данных ресурсов определялся наличием комментариев-обсуждений на тему поступающих новостей и модерацией, обеспечивающей отсутствие обценной лексики.

Методика

Использовался экспертный метод оценки психологического содержания речи – интент-анализ, который позволяет выявлять актуальные интенции субъектов общения в различных видах диалоговой и недиалоговой речи [Ушакова и др., 2000; Павлова, 2005; Кубрак, 2007; Гребенщикова, Зачесова, 2014; Павлова, Афиногенова, 2014]. Оценка материала осуществлялась на основе согласованной работы 3 экспертов-

психолингвистов, имеющих опыт интен-анализа. При квалификации интенций учитывались: языковые и речевые маркеры (наклонение глаголов, порядок слов, ударение и др.); данные о цели коммуникантов, их статусно-ролевых позициях и пр., вытекающие из анализа контекста; ответные реакции партнеров коммуникации, обнаруживающие их понимание сказанного. Учитывалось общее количество интенций новостного и постсобытийного дискурса, их отнесенность к тем или иным референциальным объектам, уровень интенциональной насыщенности, понимаемый как отношение количества интенций к объему содержащего их текста (Афиногенова, 2015).

Методы анализа данных

Для оценки различия в выраженности долей и пропорций использовалось угловое преобразование Фишера, значимость различий фиксировалась при $p \leq 0.01$ и $p \leq 0.05$, применялся также пакет статистических программ Statistica 7.0.

Результаты

Референциальные объекты постсобытийного дискурса

В постсобытийном дискурсе многократно (более 40 раз) упоминаются следующие референциальные объекты, на которые направлены интенции субъектов общения:

1. Объект «Мы»: народ, россияне, Россия, читатели новостного ресурса.

Коммуникант высказывается, как правило, от первого лица. При использовании третьего лица на принадлежность характеристик к данному референциальному объекту указывает противопоставление другим объектам: «Мы» – «Они», «Мы» – «Власть» и др.

2. Объект «Они»: представители различных этносов в составе России и бывшего СССР, от которых говорящий прямо или косвенно дистанцируется. В эту группу входят жители Кавказского региона РФ, мигранты из бывших республик в составе СССР, а также мусульмане, приверженцы иудаизма и др.
3. Объект «Власть»: правительство, Государственная Дума и ее представители, государственные структуры и ведомства, президенты РФ и отдельных ее республик, крупные государственные компании и их руководители.
4. Объект «Другие страны»: европейские страны, США, их президенты и представители государственных структур, страны НАТО, участники СНГ.
5. Объект «Собеседник»: другой комментатор, участвующий в обсуждении. Реплики, адресованные тому или другому собеседнику, как правило, организованы в отдельные ветви дискуссии.
6. Объект «Третьи лица»: журналисты, в том числе авторы обсуждаемых сообщений, а также информационные ресурсы – газеты, сайты.

Общей особенностью референциальных объектов постсобытийного дискурса является их значительная трансформация относительно исходного новостного дискурса. Комментаторы в одних случаях обобщают исходные объекты (*прокуратура Франции – французы, пятеро россиян – Русский мир*), в других, напротив, конкретизируют и ограничивают их (*мигранты – уроженцы Кавказа*), в-третьих – заменяют одни объекты на другие по типу трансдуктивного переноса (*террористы – мусульмане*). Сообщения, содержащие краткую сводку, вызывают комментарии, в которых число референциальных объектов относительно исходного увеличивается, их образы размываются, возникают дополнительные темы обсуждений, в том числе тема компетентности и других личных качеств участников дискуссии.

Интенциональное пространство постсобытийного дискурса

Сопоставление интенций исходного новостного и постсобытийного дискурса обнаруживает расширение в ходе обсуждения интенционального пространства дискурса за счет более чем трехкратного увеличения числа категорий интенций: 10 категорий интенций в исходных сообщениях против 35 категорий в комментариях. Количество реализаций интенций увеличивается с 26 до 352 раз, что связано не только с большим объемом комментариев по отношению к исходному новостному материалу, но и с большим разнообразием интенций постсобытийного дискурса. При этом в нем резко возрастает число интенций негативно-оценочного характера, тогда как в исходных сообщениях основной интенцией выступает информирование.

Негативные интенции

В числе добавляющихся в процессе обсуждения негативных интенций обращают внимание интенции с высокой выраженностью эмоционально-оценочного компонента: проявить обеспокоенность (*Это плохо закончится! Как костер, все разгорается и разгорается!*), выразить возмущение (*Наше государство ещё и собирается ОБИРАТЬ людей?*), выразить злорадство (*Доигрались, европейцы? Скоро побежите в Русский мир...*). Стремления представить объект в негативном свете, принизить его, обесценить действия очерчивают ярко выраженную зону вербальной агрессии коммуникантов: ... *чья профессия родину защи...*, *пardon, ждать халявной квартиры от государства* (о вооруженных силах).

Область критики и противопоставления, также с ярким эмоциональным компонентом, формируют интенции обвинить, обличить, осудить, напугать и др. Негативно характеризуя действительность, комментаторы возлагают ответственность за происходящее: *Вся грязь только от них, раньше в городе было чище* (о мигрантах). Звучат и прямые обвинения: *Во всем виновата*

Европа; Пока не остановит главных террористов, создающих и финансирующих террор во всём мире... (о США).

Интенции дистанцирования и демонстрации превосходства ярко проявляются в выборе уничижительных номинаций: *чурбана задержали, союз слабоумных и предателей, мировая общественность* (написание сохранено). Через все обсуждения проходит реализующееся в различных вариантах противопоставление: *богатые – бедные (Не нужно смешивать бесправных обитателей горных аулов ... с владельцами дорогих авто), простые люди – элита (Элиты не заинтересованы в том, чтобы люди развивались; Это вина не народа, а управленцев, т.е. элит), жители одних регионов России и жители других (Если русские дерутся, то все заканчивается синяками и ссадинами, а эти ... сразу за ножи хватаются), приезжие (в том числе мигранты) и коренные жители (Наши русские причем местные строители приходили, им отказали, потому что работают узбеки там же и живут), Россия и остальной мир (Весь мир сплачивается в борьбе с терроризмом, но только Россия предпочла остаться наедине с этой угрозой).*

Проявляются также негативные диалогические интенции, направленные на конкретного собеседника. Негативный модус в зоне межличностных отношений определяется интенциями обидеть, выразить сарказм, оскорбить: *Мущизина, вам надо быть в тонусе. Не пропускать ни одного сообщения из Вашингтона; Вы видимо начинающий спортсмен и очень неумный человек.*

Интенции нейтрального характера

Несмотря на резкую отрицательную оценочность постсобытийного дискурса, реализуются также интенции нейтрального характера, хоть и в 4 раза реже, чем негативное отношение (см. рис. 1). Даются взвешенные оценки,

высказываются предположения, приводятся факты: *Максимализм - это плохо, мир не двухцветный; Чеченцы бывают разные*. Проявляется стремление выяснить точку зрения собеседника (*Каково, по-вашему, реальное соотношение?*), использовать ссылки на официальные источники информации (*Смотрите статистику преступности за первое полугодие 2013 – [http://mvd.ru/...](http://mvd.ru/)*) и личный опыт (*У меня бывшая коллега - дагестанка, работает бухгалтером; Я видел отношение... в суде, никто за них не заступался, никакая мифическая диаспора*).

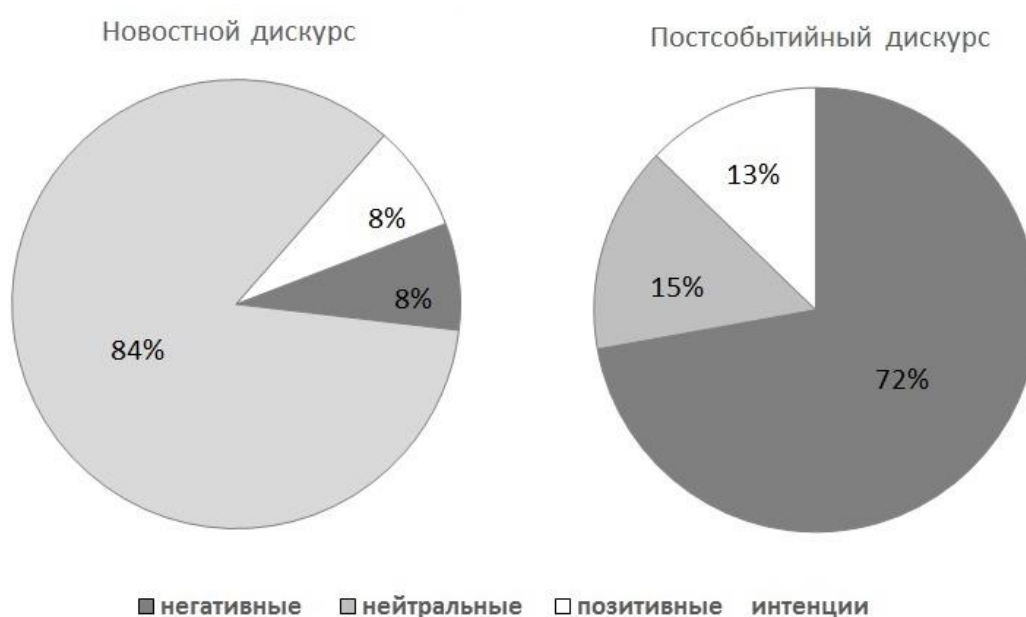

Рис. 1. Относительные частоты интенций различной направленности в новостном и постсобытийном интернет-дискурсе.

Следует отметить, что интенциональное пространство исходного новостного и постсобытийного дискурса перекрывается именно в области, связанной с анализом и информированием. Однако такого рода «нейтральные» интенции выражены главным образом в новостном дискурсе (21 реализация), тогда как пространство постсобытийного дискурса, как уже отмечалось, заполняют, в основном, интенции негативной заряженности, которых значимо больше, чем нейтральных и позитивных интенций. Получены данные, согласно которым

доля негативных интенций в постсобытийном дискурсе значимо выше их доли в новостном (угловое преобразование Фишера, $\varphi=7,11$, $p<0,001$).

Интенции позитивной направленности

Позитивная направленность проявляется в постсобытийном дискурсе так же редко, как и нейтральная. Данная позиция комментаторов представлена интенциями консолидации и принятия: выразить сочувствие (*У нас живет масса беженцев. Бесприютных, в нечеловеческих условиях*), подчеркнуть позитивные качества (*Киргизы очень работающие... они не пьют в отличие от русских работников*), призвать к совместным конструктивным действиям (*Если мы договоримся все вместе с завтрашнего дня не давать взятки ..., то это постепенно отучит их брать взятки*). Однако позитивное отношение к одним объектам может реализоваться за счет принижения других (*Кроме Казахстана там одна дичь*), а интенция консолидации может быть выражена в связи с оправданием насилия (*Давно пора всю шваль ... гнать! – Правильно*). Отметим в этой связи общую трудность оценки речевого материала [Алмаев, 2012]: то, что на одном, диалогическом уровне оценивается как консолидация, на другом – отражает агрессию.

Интенциональный профиль референциальных объектов

На рис. 2 представлено распределение абсолютных частот интенций негативного, нейтрального и позитивного характера относительно референциальных объектов постсобытийного дискурса.

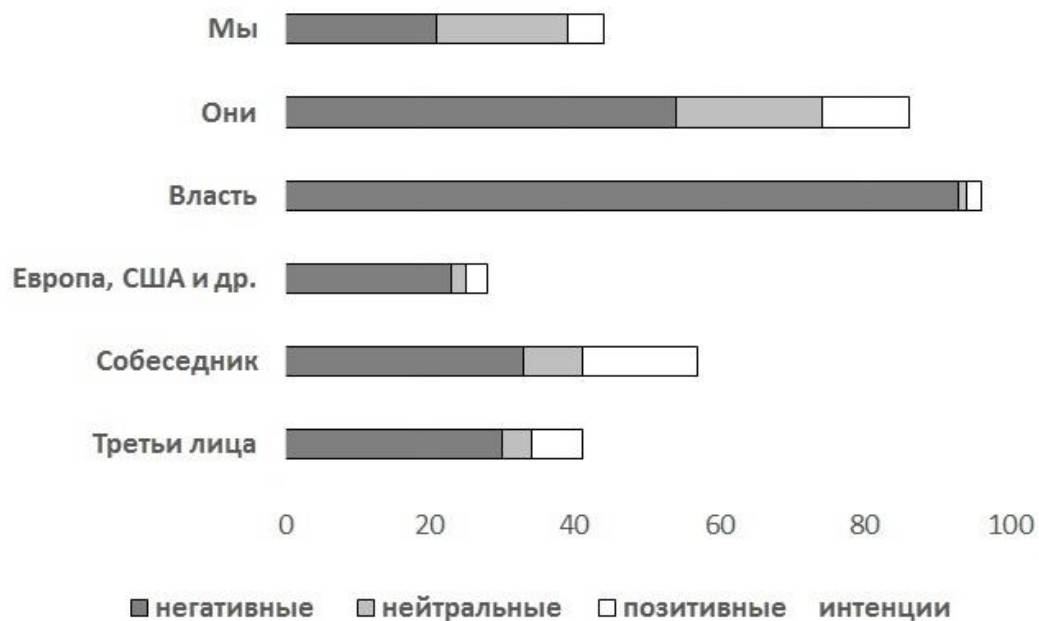

Рис. 2. Абсолютные частоты встречаемости интенций в соотношении с референциальными объектами постсобытийного дискурса.

Направленность негативных интенций на объект «Власть» выше, чем на прочие объекты по отдельности (в 1,5 раза и более). Тем не менее, суммарно на другие референциальные объекты приходится в 2 раза больше негативных интенций, чем на объект "Власть". В этой связи отметим показательные случаи самоотчуждения и самокритики, проявляющиеся в негативных интенциях, направленных на объект «Мы»: *Господи, ну сколько можно позволять собой манипулировать?!; Смешно. Просыпаемся, когда уже горло режут.*

Больше всего нейтральных интенций направлено на объекты «Мы» и «Они» (33% и 35%), оставшаяся доля нейтрально-аналитических интенций равномерно распределена между другими объектами.

Максимум позитивных интенций приходится на объект «Собеседник», что может быть связано с выраженностью диалогического компонента дискурса и поддержкой коммуникантами точки зрения друга.

Наиболее сбалансированный интенциональный профиль имеет референциальный объект «Мы»: количество относящихся к нему негативных интенций уравновешено суммарным весом нейтральных и позитивных интенций. Однако данный объект не является самым значимым по общему количеству реализованных интенций (12%). Наибольший отклик в постсобытийном интернет-дискурсе вызывают объекты «Власть» и «Они», которые находятся на первом и втором местах с большим отрывом от объекта «Собеседник», занимающего третье место по количеству относящихся к нему интенций (27%, 24% и 16%, соответственно).

В целом, наблюдается выраженная асимметрия постсобытийного интернет-дискурса в сторону дистанцирования и дискредитации относительно всех выделенных референциальных объектов. Подобную картину нельзя напрямую связать с подачей информации в исходном дискурсе, поскольку основное его содержание составляют информирующие интенции и оценки нейтрального характера.

Выводы

В постсобытийном дискурсе наблюдается трансформация основных референциальных объектов. Исходные объекты новостного дискурса обобщаются, размываются, или, напротив, конкретизируются, заменяются на другие объекты по типу трансдуктивного переноса; число референциальных объектов увеличивается.

Растет также число категорий интенций, основную долю которых в постсобытийном дискурсе составляют интенции негативного характера. Эмоционально-оценочный вектор комментариев формируют интенции: выразить недовольство, возмущение, злорадство и др., область критики и

противопоставления интенции: обвинить, обличить, осудить и пр., дистанцирование от собеседника проявляется в диалогических интенциях возразить, выразить сарказм, унижить.

Интенции нейтрального характера: выразить позицию, объяснить, предположить, информировать и др., а также позитивные интенции принятия и консолидации: защитить, подчеркнуть позитивные качества, оправдать и пр. проявляются в постсобытийном дискурсе в незначительной степени.

Наиболее выраженный негативный вектор интенций направлен в сторону объекта «Власть». Однако в 2 раза больше негативных интенций приходится суммарно на другие референциальные объекты. Пик позитивных интенций формируется вокруг объекта «Собеседник». Наиболее сбалансированный интенциональный профиль имеет объект «Мы».

Полученные результаты сближают постсобытийный интернет-дискурс с дискурсом повседневного неформального общения незнакомых людей, для которого характерно столкновение интересов коммуникантов, выраженное в ведущей интенциональной направленности «выступить против партнера» с интенциями осудить, обвинить, выразить недовольство (Зачесова и др., 2016).

Выдвинутая гипотеза подтвердилась. При этом, хотя проанализированный корпус вербальных материалов весьма велик по объему, требуется дополнительная апробация данных на увеличенной эмпирической базе. Представляются перспективными также последующие исследования средств воздействия данного вида дискурса и выявление его особенностей на различных информационных площадках.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке

Литература

Алмаев Н.А. Применение контент-анализа в исследованиях личности. М.: Институт Психологии РАН, 2012.

Афиногенова В.А. Интенциональная организация речевого взаимодействия в неформальном повседневном дискурсе: дисс. ... канд. психол. наук. Институт психологии РАН, М., 2015.

Василенко И.В. Культурный дискурс в региональном медиаполе: лингвистические параметры: дисс. ... канд. филол. наук. Новгородский гос. университет, Великий Новгород, 2015.

Гребенщикова Т.А., Зачесова И.А. Психология повседневного дискурса: Интенциональный аспект. М.: Институт психологии РАН, 2014.

Засурский Я.Н. Все начинается с контента. В кн.: Человек как субъект и объект медиапсихологии. М.: Моск. гос. университет, 2011. С. 76–86.

Зачесова И.А., Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А. Интенциональная организация дискурса повседневного общения незнакомых людей. В кн.: А.Л. Журавлев, Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова (Ред). Психология дискурса: проблемы детерминации, воздействия, безопасности. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 27-49.

Кубрак Т.А. Интенция самопрезентации субъекта в различных видах дискурса. В кн.: Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова (Ред.), Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М.: Институт психологии РАН, 2007. С.185–204.

Мартьянов Д.С. Мартьянова Н.А. Сетевая и этническая идентичности: дискурсивные аспекты. В кн.: Межэтнические столкновения в поликультурной студенческой среде и пути их разрешения: материалы науч.-практич. конф., СПб, 27 сентября 2012. СПб: С.-Петербург. гос. университет, 2012. С. 212–215.

Павлова Н.Д. Интерактивный аспект дискурса: подходы к исследованию. Психологический журнал, 2005, 26(4), 66-76.

Павлова Н.Д., Афиногенова В.А. Интенциональная структура речевого взаимодействия // Психологические исследования. 2014, 7(35). 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.04.2016).

Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Латынов В.В., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Интент-анализ политического дискурса. СПб: Алетейя, 2000.

Cialdini R.B., Reno R.R., Kallgren C.A. A focus theory of normative conduct: Recycling the concept of norms to reduce littering in public places. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1990, 58(6), 1015–1026.

Cappella J.N., Price V., Nir L. Argument repertoire as a reliable and valid measure of opinion quality: Electronic dialogue during campaign 2000. *Political Communication*, 2002, 19(1), 73–93.

Fishkin, J.S., Luskin R.C. Experimenting with a democratic ideal: Deliberative polling and public opinion. *Acta Politica*, 2005, 40(3), 284–298.

Heng M., de Moor A. From Habermas's Communicative Theory to Practice on the Internet. *Information Systems Journal*, 2003, 13, 331–352.

Rier D. Internet support groups as moral agents: the ethical dynamics of HIV+ status disclosure. *Sociology of Health and Illness*, 2007, 29(7), 1043–1058.

Spears R., Lea M., Postmes T., Wolbert A. A SIDE look at computer-mediated interaction: Power and the gender divide. In: Z. Birchmeier, B. Dietz-Uhler, G. Stasser (Eds.), *Strategic uses of social technology: An interactive perspective of social psychology*. New York: Cambridge University Press, 2011, pp. 16–39.

Sukumaran A., Vezich S., McHugh M., Nass C. Normative influences on thoughtful online participation. In: *Proceedings of the 2011 Annual Conference on Human Factors in Computing Systems, ACM 2011*. New York, ACM Press, 2011, pp. 3401–3410.

Павлова Наталья Дмитриевна. Доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии речи и психолингвистики, Институт психологии РАН, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.

E-mail: pavlova_natalya@mail.ru

Тел.: +7 (903) 758-77-66

Гребенщикова Таусия Александровна. Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики, Институт психологии РАН, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.

E-mail: gretiya@mail.ru

Тел.: +7 (916) 661-39-22

Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интент-анализ постсобытийного дискурса в интернете.